

МАРКАЛОНСКИЙ

Минута
go
БРУКЛИНА

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А51

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
Ryan DeBerardinis, RemarkEliza / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
32 pixels / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Алонский, Марк.

А51 Минута до Бруклина / Марк Алонский. — Москва :
Алонский М., 2026. — 656 с. : ил.

ISBN 978-5-600-05109-6

Он — молодой музыкант, который видит мир через ноты. Она — загадочная художница, чьи картины дышат мечтой о бруклинских крышах. Их встреча становится началом истории, где творческое вдохновение и любовь переплетаются в единое целое.

Однажды она уезжает в Бруклин, оставляя его наедине с музыкой и мечтой о том, что его песни смогут достучаться до ее сердца. Провалы, борьба, стремление к успеху — все ради того, чтобы она его услышала.

Но когда он находит свою музу, его ждет горькая правда: она оказывается пленницей своей зависимости. Теперь его песни не только о ней — они для нее, чтобы вдохновить ее на борьбу за себя.

Это роман, который звучит. Музыка героя оживает благодаря QR-кодам. В записи треков для книги принимали участие Михаил Серегин, Иван Сучков, Дарья Ерминсон.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Марк Алонский, текст, иллюстрации,
слова и музыка, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-600-05109-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1

Глава 1. Беготня	19
Глава 2. Гитара	28
Глава 3. МЦМ	36
Глава 4. Е.	46
Глава 5. Альтатрас	54
Глава 6. Лето, которого никогда не было	70
Глава 7. Почему?	87
Глава 8. Бруклин	96
Глава 9. Линии жизни	109
Глава 10. Аарон	127
Глава 11. Гараж	144
Глава 12. Ревность	156
Глава 13. Эхоллов	164
Глава 14. Прочет Творца	183
Глава 15. Бас	198
Глава 16. Красный Фольксваген	208
Глава 17. Первый	217
Глава 18. Третья самая важная вещь	230
Глава 19. Пока!	245
Глава 20. Совершенно другой уровень	253
Глава 21. Пошли?	261
Глава 22. Осень и я	268
Глава 23. Тишина	278
Глава 24. Измена	289
Глава 25. Фест	300
Глава 26. Не было хорошего	314
Глава 27. Крис	324
Глава 28. Спасибо за психопатию, клип и все остальное	333
Глава 29. Принятый сигнал бедствия	343

ЧАСТЬ 2

Глава 1. Доллис	352
Глава 2. Эгоист	361
Глава 3. Предатель	374
Глава 4. Бруклин	385
Глава 5. Тик-так	397
Глава 6. Если ты там	405

ЧАСТЬ 3

Глава 1. Чернота	422
Глава 2. Совсем не за что	433
Глава 3. Формула забвенья	444
Глава 4. Эмма	451
Глава 5. Тим	461
Глава 6. Я	470

ЧАСТЬ 4

Глава 1. Оставайся	480
Глава 2. Город смеется	491
Глава 3. Мекка	499
Глава 4. Твой бог зовет	513
Глава 5. Архитектор реальности	533
Глава 6. Черно-белый	541
Глава 7. Океан	547
Глава 8. Прочь	553

ЧАСТЬ 5

Глава 1. Ирис	564
Глава 2. Мудрый Брахман	571
Глава 3. Тысяча	582
Глава 4. Умеренность	593

ЧАСТЬ 6

Глава 1. Что нужно сделать после прочтения?	600
Глава 2. Кумир, память, мир	611
Глава 3. Заземление	618
Глава 4. Мне не нравится	622
Глава 5. Волшебство с оговорками	631
Глава 6. Жажда	638

*Вселенная Салема — отличная
от нашей Вселенной*

ЧАСТЬ 1

Дождь за окном обгладывал заброшенный, покосившийся дом напротив. Окна в нем давно были выбиты — наша с Ником работа. Последние жильцы съехали оттуда еще до нашего появления у Доллис, но она все равно всыпала нам по первое число за разбитые стекла.

Ну, или за то, что мы ее разбудили.

По раме ползала сонная от холода муха. Я тоже был сонный, а еще голодный. Мухе повезло, что под рукой у меня не было ничего, чем можно было бы ее прихлопнуть.

Ник ушел утром. Я соврал ему, что мучаюсь с животом, чтобы он не уговаривал меня выйти на улицу. Доллис, как обычно, спала. Доллис — настоящая сова, ее время — ночь. *(А стихия — бухло, ха-ха.)*

Я сидел у окна, должно быть, уже пару часов. У меня затекли плечи, но мне казалось, что я вот-вот нащупаю что-то в мыслях, что-то такое, что, наконец, расставит все по своим местам. И я пойму, как вести себя, пойму, как правильно жить и что я должен чувствовать.

Я почти не двигался. Я даже не оделся, когда вылез из кровати.

Серость за окном обволакивала меня, и в моей голове тоже не было ни просвета, ни лучика.

И нет, мне не было комфортно вариться в этом, просто ничего другого не оставалось. Я сидел и складывал рифмы. Строчки, сотни строк! Я мог бы, наверное, написать целый цикл про чертов дождь, подобрать сколько угодно слов. Но ничего из того, что всплывало в сознании, не казалось достойным. Я проматывал строчку за строчкой, приказывая невидимому генератору рифм: «Следующую давай, все не то!»

Ирифмы всплывали, причудливо переплетаясь с мыслями о тихой безысходности, и вся эта смесь становилась еще серее, чем дрянь за окном.

Сегодня был последний день каникул. И он ничем не отличался от предыдущих двух недель.

* * *

Доллис стала нашим опекуном, когда мне и Нику было по шесть лет. В нашей квартире случился пожар, мы в это время играли на улице.

Как это вышло — доподлинно неизвестно. Доллис говорила, что кто-то из тех пьяниц, проводивших у нас дома свое вечно свободное время, уснул с тлеющей сигаретой. Вместе с нашей квартирой сгорели еще две. В общей сложности пожар унес семь жизней. Забрал он и нашу с Ником мать Дезу.

Мы с братом смотрели на огонь с улицы. Когда началась суматоха вокруг, Ник заплакал. Я тоже разревелся за компанию, хотя сам ничего особо не чувствовал.

Дезу мы не вспоминали. Ни в разговорах, ни глядя на фотографии. Иногда мы с Ником слышали, как Доллис заплетаясь языком пересказывает историю пожара очередным гостям, которые появлялись в нашем новом доме, как грибы после дождя. Гости произошедшее горячо обсуждали, много курили прямо в зале и часто засыпали, не потушив сигареты.

Вообще, кроме меня, Ника и Мыши, бешеной рыжей кошки, которая всегда бросалась на мои ноги, как на добычу, в доме Доллис никто не задерживался надолго. Последний рекорд в полтора года был поставлен, когда мне и Нику было одиннадцать. Почти четыре года назад.

Рекордсменом стал высохший от пьянства Харлоу, высоченный человек-скелет без двух передних зубов. Я запомнил его, потому что он постоянно обещал «взяться за нас». На прощание он отлупил Доллис так, что казалось, тетка сунула лицо в улей.

Харлоу сильно шепелявил, но мы с Ником пошутили об этом при нем только единожды. Оскорбившись, он озверел и бил нас, по-моему, одновременно с двух рук. Он орал: «Шо штаршими будеш уважительней, шопляк!»

После этого мы передразнивали Харлоу, только закрывшись в нашей комнате. И намного жестче.

Сначала мы с братом обрадовались, что Доллис распрощалась с Харлоу, но за его уходом последовала вереница новых теткинских знакомств. Наша веселая семья продолжала свой спуск на дно.

Не нужно гадать, что если в доме есть что-то крепче сорока градусов, если это «что-то» разливать да выпивать, то дорога к дому не зарастет травой.

Вообще, когда сгорела Деа, Доллис была замужем. В сравнении с нашей матерью, семья Доллис и Гека, ее мужа, была образцовой. Это я сейчас понимаю. Именно поэтому оформление опеки прошло без всяких трудностей. Ну, и потому, что Доллис была нашим единственным живым родственником.

Гек устроился рабочим на стройку, где его через пять дней раздавило сорвавшейся откуда-то сверху бетонной плитой. Его расплющило так, что поначалу не могли установить личность погибшего. Помогла торчащая из-под плиты рука: между указательным и большим пальцем у Гека была набита чайка.

Все эти подробности мы узнали от безутешной Доллис. В истерике она металась по дому, то бросаясь писать записки (наверняка предсмертные), то глотая горстями какие попало таблетки. Она сгребала нас с Ником в охапку, вытаскивала из шкафа одежду Гека, обнималась с его рубашками и все плакала, плакала, плакала.

Когда к нам приходили из опекунской конторы, Доллис в красках рассказывала работникам ужасы собственной жизни: и про сгоревшую заживо сестру, и про расплющенного мужа. Но еще она говорила, что мы, я и Ник, последнее, что у нее осталось. Доллис плакалась соцработникам, что не может есть и спать от горя.

Таким я и запомнил этот период. Тетка не могла ни есть и ни спать, сокрушаясь, но ела и спала.

Брата и меня оставили у Доллис. За нас она получала большие выплаты, которые позволяли не работать.

Постепенно Деца и Гек стали воспоминаниями, которые Доллис пыталась залить алкоголем. Может, она надеялась, что призраки утонут.

После смерти Гека Доллис стало как-то наплевать на все, что ее окружало. Наш дом быстро превратился в заброшку, как в ту, что была напротив. Голубая краска выцвела и облупилась, половицы и двери скрипели, а сам дом как-то осунулся, врос в землю. Забор вокруг частично отсутствовал — мы с Ником растащили его на шалаши и костры. Трава во дворе была высокая, но притоптанная, поэтому это не особо бросалось в глаза. Вообще, издавлека наш двухэтажный дом казался игрушечным, словно его собрали из того, что было, неумелые детские руки.

Если пройти мимо, то на пороге, скорее всего, будет сидеть рыжая Мышь, которая встречает шипением каждую протянутую руку. Характер Мыши вполне обоснован: ей тоже частенько перепадало от дорогих гостей.

Но просто так мимо нашего дома никто никогда не ходил. Он стоял на самой окраине, дальше — только лес, в лесу по ночам орала лисы. Если сюда и приходили люди, то только с конкретной целью — к Доллис.

Я ненавидел приближающиеся голоса снаружи, я знал, что означало их появление. Все пространство дома быстро заполнялось криками, возней и скрипом уставших досок под подошвами.

(Дом с нормальными явлениями, ха-ха!)

Один-единственный раз я был рад тому, что у нас постоянно толпится народ, — они прогнали других «гостей», видеть которых хотелось еще меньше.

В тот день, решив, что сегодня в школе МНЕ НЕ ХВАТИЛО, вся компания Роса пришла к дому Доллис. Они звали меня по имени, чего никогда не делали раньше, и кричали: «Выходи гулять, Салем!»

Эти крики были для Доллис, а не для меня. Эти крики были для того, чтобы тетка, услышав их, сказала: «Иди выйди к друзьям, к тебе пришли». Рос (Луирос) — та еще мразь, но он и понятия не имел, что происходит у меня дома ближе к вечеру.

Помню, я наблюдал всю эту картину из окна второго этажа. Дверь в дом открылась, и я услышал бас снизу: «Салем по горло в уроках, катитесь отсюда!»

Рос пытался выглядеть самой крутой обезьяной в зоопарке, какое-то время он перекрикивался с тем, кто вышел к нему из дома. Но потом вся его компания благообразно отступила, потому что на крыльце появились еще трое собутыльников Доллис.

Тогда я впервые был счастлив, что тетка устроила из дома притон. Я запомнил внезапно подаренное ощущение мнимой защиты. Оно было теплым. Я понимал, что мои «защитники» представляют для меня не меньшую опасность, но какое-то время действительно грелся в этом тепле, чувствуя себя в неприступной крепости.

* * *

Больше всего мне нравился чердак. Там покоились все вещи Гека и его двуствольное ружье. На чердаке лучше всего думалось. Здесь я написал почти все свои стихи.

Еще здесь пылилась куча книг. Я брал их в библиотеке и никогда не возвращал, но мне все равно разрешали брать новые. Это из-за репутации «близнецов, у которых мама сгорела заживо», я знал это. Знал и пользовался.

Передвигаться по чердаку можно было только вприсядку. Свет сюда не провели, но зато здесь находилось большое круглое окно. Я ложился на пол около него и читал, пока не стемнеет. Это был единственный минус чердака: после захода солнца здесь становилось темно, как в погребу.

К своим четырнадцати годам я прочитал Дюма, Кастанеду, Достоевского, Воннегута, много кого еще. Чердак Доллис все

больше захламлялся книгами, а мой чердак разрывался оттого, что не с кем было поделиться впечатлениями от прочитанного.

Думаю, что поэтому я не мог не начать писать. В дневниках и стихах осталось все то, что кипело во мне, просило выхода. Буквы в клетках листов — это все, что я мог дать самому себе.

Я упивался написанием стихов, но вместе с этим ненавидел их точно так же, как любил и ненавидел себя. Вечная борьба фантазий с окружающим меня миром. Мой личный вечный двигатель.

Это мучило меня. Разрывало.

Реальность изводила меня. Я читал о добре, в школе нас пытались учить справедливости, я мельком смотрел на любовь по телевизору, но в жизни не видел ничего из этого. Не чувствовал.

Я читал про узы крови, их силу и мощь, но знал, что единственной родственнице я и Ник нужны только ради пособия.

Я читал о силе братской любви, но был уверен, что без меня Нику было бы куда лучше.

В школе из нас пытались вырастить «хороших ребят», но я видел вокруг лишь озлобленных подростков, жестоких и трусливых.

Я все читал и читал: о справедливости, чести, природе человека в целом, но не видел людей, похожих на персонажей произведений Джека Лондона. Я видел только унижающих и униженных, и каждое светлое произведение оказывалось на деле абсолютной фантастикой.

Что тому виной? Искаженный угол, под которым я видел мир? Или уродливая маска, через которую мир взирал на меня?

Я не был похож на свое окружение, ненавидел свою непохожесть, но цеплялся за нее каждой клеточкой тела, потому что только она одна отделяла меня от НИХ.

(как это горько / как это замечательно.)

И когда в школе мы читали вслух о чужом благородстве, я невидящим взглядом пялился в парту, лишь бы не разреветься.

Потому что мне снова передали записку с задних парт, сообщающую, что Рос ждет меня после уроков для «разговора».

Меня зовут Салем и всем
плевать, как меня зовут.

Меня зовут Салем

Меня зовут Салем и я
ненавижу Лебя.

И С ПАКЕТОМ НА ГОЛОВЕ Я ВЫГЛЯЖУ
НАМНОГО ЛУЧШЕ.

Потому что каждая прочитанная строчка так невыносимо контрастирует со всем, что происходит вокруг.

И мое ранимое сердце так и гонит слезы наружу, а я ничего не могу с этим сделать. И остается только держать лицо статичным, чтобы не моргнуть, чтобы ни одна слеза не упала на парту, чтобы слезы высохли прямо в глазах.

Чердак прятал меня от мира, и каждое лето, когда даже Доллис умудрялась загореть, я был бледный, а моя одежда — в пыли. Иногда я оставался на чердаке и после захода солнца сидел в темноте, и самому себе казался крысой или тараканом. Это не было плохо, потому что все вокруг были ничуть не лучше.

Ник (вообще он Николас) был старше меня на семнадцать минут. Мне иногда казалось, что за эти семнадцать минут его научили чему-то такому, что знали все вокруг, кроме меня.

Нику досталось это знание, и с его помощью он без проблем существовал, находил друзей, широко улыбался. А мне досталось острое, как нож, мироощущение. И пока мой брат-близнец пропадал на улице, ни о чем особо не задумываясь, я варился в черноте собственных мыслей.

Удивительные дары жизни к первому глотку воздуха — Нику досталась вечная улыбка до ушей, а я взял себе бесконечную печаль.

Мы с Ником были очень разные, но при этом отлично ладили. Наши характеры были абсолютно противоположными, хотя внешне нас было не различить. Нашей внутренней разности я не придавал значения до школы, пока мы не оказались в окружении одноклассников. Именно в обществе я ощутил, что отличаюсь не только от брата, но и от других. Однако Ник никогда не избегал меня, даже под угрозой травли. За это я был ему благодарен и испытывал жесточайший стыд.

Брат учил меня драться, оскорблять в ответ, «не брать все это в голову». Но я знал, я видел его *взгляд*. Так смотрят на собаку с искаленной лапой. Моя беда была в том, наверное, что я все понимал.

Ник жалел меня, и мне было стыдно за то, что я «не такой».

Чем старше мы становились, тем больше Ник, сам того не осознавая, стремился избавиться от нашей внешней одинаковости. Доллис долго одевала нас в парные шмотки, поэтому брат стал одалживать одежду у друзей. Потом Ник вернулся домой с бритой головой, стал похож на новобранца. Тетка не водила нас в парикмахерскую и стригла сама, но это случалось так редко, что обычно мы с братом успевали отрастить волосы до плеч.

Я помню, как Ник вошел в нашу комнату, стянул капюшон с бритой головы и виновато улыбнулся мне.

Тогда негласно установилось следующее правило: у меня должны быть длинные волосы, у брата — бритая голова. Теперь мы стали отличаться еще и внешне.

* * *

Кроме меня, никто не залезал на чердак, но свою оранжевую тетрадку со стихами я все равно прятал за грудой книг. Прятал, отползал к выходу, проверял, не видно ли тетрадки... И если было нужно, то перепрятывал. Только после этого я мог спуститься. Обязательный ритуал, основанный на страхе потерять самое ценное, что у меня было.

Я, кстати, яркие цвета вообще не жалею, но эта тетрадь со мной так давно, что я даже стал верить в магические свойства ее пестрой обложки.

Я писал стихи на отдельных листах, там же доводил их до ума и только потом аккуратно переписывал в рыжую тетрадку. Стих всегда помещался в середине листа, а вокруг него вился рой маргиналий, моих мыслей и переживаний. Он дополнял написанное и подкреплял его суть.

Вообще я считал эти стихи текстами песен. Песнями холодной кровати и пыльного чердака, где я напевал их себе под нос, склонившись над тетрадкой. Шептал, обнимая колени и чуть раскачиваясь в такт. Боже, каким жалким существом я казался самому себе в эти моменты. И каким же потрясающим я находил написанное!